

Тело Хань Сюэлань задрожало, но она не могла не смотреть на неё в упор, когда человек перед ней поднял глаза, чтобы посмотреть на неё саму. Отличительные глаза смотрящей на неё явно отражали её собственный облик.

Даже глядя на знакомые брови и глаза, её зрачки были красными, а лоб девушки перед ней был искривлён, полный ревности и ненависти.

Хань Сюэлань отшатнулась на шаг назад и яростно провела глазами по мужчине рядом с Су Цзинь. А затем так же быстро опустила голову.

Су Цзинь это заметила и начала смотреть на мужчину рядом с собой. С некоторым изумлением она спросила: "Он тебе нравится?"

Значит, она пошла против неё не только из-за ревности?

"Нравится... нет..." Когда Хань Сюэлань услышала слова Су Цзинь, она внезапно прикусила нижнюю губу и покачала головой, но... она всё равно не могла удержаться от того, чтобы поднять глаза и посмотреть на того мужчину.

Нравится? Как он мог ей не нравиться, этот мужчина, воплощавший прохладный ветер и яркую луну?

Да разве все не говорили, что глаза цвета персикового цветка чрезвычайно страстные? Но когда она повернулась, чтобы посмотреть на его красивые глаза цвета персикового цветка, помимо холода, они были полны отвращения. Точно, тепло в его глазах расцвело только для одного-единственного человека.

"Да", - она, казалось, внезапно приняла решение, встала и слегка приподняла подбородок, улыбаясь: "Мне нравится всё, что у тебя есть".

Су Цзинь надолго растерялась, прежде чем решительно покачала головой.

Хань Лэй, который онемел от всех слов своей дочери, наконец пришёл в себя. Он подошёл и спрятал Хань Сюэлань за собой. Слегка наклонившись, он пробормотал: "Сюэлань ещё маленькая. Только что... только что она болтала чепуху. Сяо Цзинь, шурин..." Он поднял голову, его глаза с надеждой смотрели на Су Чэнхуа.

"Хань Лэй", - сказал Су Чэнхай, посмотрев в сторону своей дочери и увидев, что она качает головой, не собираясь говорить. В конце концов, он решил произнести свои первые слова в частной комнате.

"Шурин..." Хань Лэй сжал кулаки, его тело слегка дрожало.

"Как отец, естественно, ты будешь переживать за Сюэлань; ты опустил своё достоинство, умолял о пощаде и пообещал взять наказание на себя. Я глубоко это оценил".

Глаза Хань Лэя заблестели, а надежда в его глазах значительно возросла.

"Но", - выражение Су Чэнхая стало суровым, - "я тоже отец".

Эта одна фраза заставила Хань Лэя ослабеть. Он отступил на несколько шагов назад. Только когда Хань Сюэлань поддержала его сзади, он твёрдо встал, его лицо было белым как мел.

"Сегодня пострадала моя дочь - дочь, которую я, Су Чэнхай, растил на своих руках".
Драматические перемены в выражении Хань Лэя никак не повлияли на его речь, и Су Чэнхай продолжил: "Вы уже сделали всё, что должны были, как отец. Теперь я тоже сделаю то, что должен, как отец".

"Я восхищаюсь тем, как вы защищали свою дочь в качестве отца, но это никак не связано с тем, что я должен восстановить справедливость для своей дочери".

Голос Су Чэнхая был очень твёрдым и властным, почти как верблюд, раздавивший последнюю соломинку, упавшую на плечи Хань Лэя. Свет в его глазах окончательно померк, и в одно мгновение осталось только глубокое отчаяние.

Су Цзинь моргнула и заставила туман, собравшийся вокруг её глаз, исчезнуть, прежде чем выдавить улыбку.

В этот момент даже у неё с довольно равнодушным характером сердце невольно согрелось.

Это был её отец, ах, это была её семья.

"Восстановить справедливость?" Хань Сюэлань, стоявшая рядом с отцом, увидела отчаяние на лице отца и внезапно разозлилась. Она выступила вперёд и посмотрела Су Чэнхаю в глаза: "Господин Су, я готова принять любое наказание, которым вы восстановите справедливость для вашей дочери. Раз я смогла сделать то, что сделала, я могу и понести последствия. Но..." Она слегка запнулась: "Мой отец невиновен".

"Конечно, я не буду привлекать..."

"Дядя Су", - внезапно прервал слова Су Чэнхая Лу Си.

Су Чэнхай остановился и посмотрел на Лу Си.

"Дядя Су", - Лу Си коротко улыбнулся, - "могу ли я взять это дело в свои руки?"

Су Чэнхай нахмурился. Это была явно просьба, но, глядя в уверенные глаза мужчины перед собой, он внезапно вспомнил нежную фразу, которую Лу Си бросил тогда на вилле: "разрубить тело на десять тысяч частей". Ладно, пусть это дело будет в руках Лу Си. В любом случае, он искренне относился к Сяо Цзинь, так что он определённо не причинит вреда его дочери. Но... Он нахмурился и кивнул; позволить этому негодяю улучшить своё положение в глазах дочери было немного неприятно.

Получив разрешение своего будущего тестя, Лу Си повернулся к двум людям перед Су Цзинь.

Хань Сюэлань прикусила губу, упрямо уставившись на мужчину перед ней, не желая больше ничего говорить.

"Хм, ответь на один вопрос, и я отпущу вас обоих, как насчёт этого?" - сказал Лу Си. Его первая фраза шокировала всех в частной комнате.

<http://tl.rulate.ru/book/15621/3376463>